

АЛЕКСАНДР
АРХИПОВ

РАССКАЖИ МНЕ, БАТЯ, ПРО АФГАН...

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Архипов

Расскажи мне, батя, про Афган!

«Логос»

2019

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6

Архипов А.

Расскажи мне, батя, про Афган! / А. Архипов — «Логос», 2019

ISBN 978-5-907258-01-3

Отгремели разноцветные салюты и фейерверки Московской Олимпиады. Улетел, обливаясь слезами, непонятого пола медведь. Отрыдал с прощальной песней товарищ Лещенко. Села подсчитывать дивиденды московская фарца. В столицу нашей Родины начали потихоньку возвращаться проститутки и уголовные элементы. Страна расслабилась. Напряглись только те, кому приказали. Есть такие граждане. С погонами на плечах. У них другие салюты, другие медали. Другие победы и поражения. Другие песни Саши Розенбаума. АФГАН!

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907258-01-3

© Архипов А., 2019
© Логос, 2019

Содержание

Успеть до заката, сержант	6
Афганский шарик	9
«Будёновцы» в чалмах	14
Сколько духа не корми	19
Лучший отдых на войне – политзанятия	22
Платон мне друг!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Архипов

Расскажи мне, батя, про Афган!

© Архипов А., текст, 2019.

© Издательский центр «Логос», 2019. (оформление, верстка).

* * *

*Расскажи мне, батя, про Афган!
Как ты воевал и как ты выжил?
Про Саланг, Кундуз и Кандагар,
Как в горах Панджшера рвали жилы.
Расскажи, отец, про первый бой
И про в роте первые потери,
Как погиб, вдруг, заслонив собой
Ротного, мальчишка, в смерть не веря!*

*Расскажи мне, папка, про звезду,
Что на «афганке» справа заалела,
И как ты шептал: «Я не умру...»
Помня обо мне и мамке в белом.
Как во сне кричал: «Платон, прикрой!
Лёнька, где гранаты? Духи справа!»
Жар снимая нежною рукой:
«Ты с войны вернулся,» – говорила мама.*

Расскажи мне, батя, про Афган!

Успеть до заката, сержант

Мы возвращались. Возвращались все. В десантном отсеке БМП лежали четверо наших «300-х». Успокаивало, что все были средней тяжести. Их порядочно растрясло, раны кровоточили, насквозь пропитывая бинты, тампоны и засаленные от пота афганки. Санитар Димка Гном вместе с ранеными на каждой кочке или яме хором дико материли механика – водителя, кидая в его сторону пустые гильзы из-под патронов. Механик сначала «отгавкивался», но потом стиснул зубы и молча давил на педали, вытаращив воспалённые от пыли глаза на разбитую дорогу. А что было делать? БМП – не карета скорой помощи. После окончания боевой операции, конечно же, вызвали «воздух» для эвакуации раненых, но помочь нам не смогли. Одну дырявую «вертушку» уже неделю латали после обстрела, а две другие работали с десантом в удалённом районе, и мы были как бы внеплановые. Приняли решение везти раненых на «броне».

Четыре дня назад по оперативным данным в кишлак Кулаш, находящийся в зоне ответственности нашей военной базы, вошёл караван. Караван не простой, а хорошо охраняемый и со специфичным грузом. В кишлак на короткий отдых зашёл конвой с двумя тяжело ранеными полевыми командирами. Пир Мухаммад и Ахмед Улла со своими отрядами оппозиционеров, а по-нашему бандами, жирно наследили в этой провинции. А теперь вот направлялись на заслуженный отдых и лечение в дружественный не нам Пакистан. Но то ли ишакам решили дать отдохнуть перед последним переходом, то ли у кого-то повязка сползла... в общем, решили на пару дней воспользоваться гостеприимством родового кишлака Ахмеда Уллы. Охрана была серьёзная и преданная, как правило, все являлись представителями одного родового клана. Со слов информатора, всего их было человек 45–50, а может и больше. Вооружены и подготовлены эти бородатые дядьки были очень даже неплохо. Во всяком случае, не часто среди трофеев попадались американские винтовки М-16.

Нашей спецгруппе была поставлена задача – физическое уничтожение этих полевых командиров, так как наше командование считало, что вести с этими религиозными фанатиками какие-либо переговоры не имело никакого смысла. Работать мы должны были совместно со штурмовым батальоном дружественно настроенной к нам армии Демократической Республики Афганистан, задачей которого было – блокирование кишлака Кулаш и его зачистка от бородатого бандитствующего элемента.

Свою задачу мы выполнили. И подтверждение тому лежало завернутое в два толстых стёганных ватных одеяла в десантном отсеке крайнего БТРа. А что дружественно настроенный батальон? Или «зелёные», как мы их называли. Так остались с пристрастием зачищать соотечественников вверенного им кишлака. Как сказал Боцман: «Глаза б мои на них не смотрели!».

А что он хотел этим сказать, знает только он. Ибо не понаслышке знает скотское отношение бойцов ДРА к своим же соплеменникам. Тащат всё. Всё, что лежит, бежит, блеет и бодаётся. И вот сидим мы сейчас с ним по обе стороны башни БМП, раскорячившись на броне, как препарированные лягушки. И каждую ямку, каждый бугорок этой треклятой дороги ощущаем своими деревянными задницами. В волосах, в глазах, во рту и даже в трусах – чешется, режет, мылится и слипается рыжая афганская пыль. И мои парни искренне огорчались жалким видом детородных органов, во время справления естественной нужды на редких остановках. Боцман, на небольшом привале, удивил ботаническими познаниями:

– Саня, если нас двоих хорошенько потрусить в цветочный горшок, то можно будет большой куст герани посадить, как у моей бабки на балконе в Севастополе. А может даже фикус!

Неожиданно связался по рации командир замыкающего «бэтэра»:

– Товарищ командир, прошу разрешения остановиться.

– С каких хренов? – корректно спрашиваю у подчинённого, не выходя за рамки.

– Надо, – отвечает сержант с еле заметной грустью в голосе.

Это другое дело. Стучу по броне и скрещиваю руки перед появившейся в люке чумазой мордой командира нашей БМП. Остановились. Минуты три сидели с закрытыми глазами и ртами, молча ожидая, когда осядет пыль. Подтянулась вторая БМП и БТР с сержантом – инициатором остановки. Подбегает, кашляет, глаза выпученные, как во время неудачных учений по газовой атаке. И лицо... бледное такое, как у восьмиклассницы после первой сигаретной затяжки.

– Ну? – стараюсь начать помягче, чтобы не вызвать рвотные позывы у подчиненного.

– Товарищ командир, жопа у нас, – дисциплинированно отвечает подчинённый и смачно плюётся в сторону своего БТРа рыжим сгустком слюны и соплей.

– Ну? – стараюсь разобраться в ситуации.

– Духи воняют, спасу нет! – вытирает натуральные оранжевые слёзы сержант, ковыряя берцем «марсианскую» пыль дороги.

А надо сказать, что сейчас в Афгане лето за окном. Как бы далеко за 30 по Цельсию! А духи, между прочим, «вчерашние»! В ватных одеялах и в металлическом раскалённом саркофаге «бэтэра» без кондиционера. А ехать ещё и, бл... ехать! Мать его!

– Что делать будем? – как бы спрашиваю сам себя вслух, но поглядываю с надеждой на Боцмана.

– Василич, а пусть на броню поднимут и как-то ближе к корме привяжут, – изрёк Боцман, ни на кого не глядя, – ветерком обдует... Только ехать быстрее надо, чтобы муха не догнала. Понял? А то привезём с опарышами!

– Так всё одно вонять будут, товарищ прапорщик, – ныл сержант, ковыряя раздолбанным берцем раздолбанную дорогу.

– Старший прапорщик! Всё одно ему... Тогда давайте по очереди, – посветлел лицом, найдя выход, Боцман.

– По какой такой очереди? – решил войти в курс дела, подошедший мой зам. – капитан Зверев.

– По какой... Двадцать километров они повезут эту парочку в одеялках, двадцать вы... А там привал, – мудро изрёк Боцман.

Короче, спор затянулся на три выкуренные сигареты. Обратил внимание на группу своих бойцов как бы отдельно стоящих от смердящего БТРа. Только один механик-водитель не отходил от вверенной ему материально-технической ценности. Он мужественно стоял возле третьего слева колеса, согнувшись в три погибели, и натужно рыгал на четвёртое. Ветерок слегка изменил направление, потянув в нашу сторону. Все, изменившись в лице, поняли, – именно так смердит в аду! И сразу всё стало понятным! И очень быстро нашёлся единственно правильный выход... Вмешалась рация. Вернее, начальник разведки подполковник Белкин.

– Гвоздь, я Белый! Как у тебя? Ориентировочное время прибытия на базу? – нетерпеливо начал начальник.

– Здорово! Через пару часов остановимся на привал с ночёвкой, темнеет уже. А с рассветом тронемся. На завтрак, думаю, не успеем, а вот на обед – ждите!

– Вы нарушаете правила радиообмена, – тоненько пропищало в наушниках и тихонько чихнуло в ладошку.

– Это, что за... Белый, вопрос есть. Я тут гостинцы везу, согласно полученных инструкций. Они точно нужны? Воняют, спасу нет, – решил я задать главный вопрос непосредственному начальству.

– Не морочь мне голову, что за гостинцы? Что воняет? Саша, едь давай, – не хотел идти навстречу подполковник.

– Вы нарушаете... – опять запищало в ушах.

– Да, что за ёб... – по-отечески пожурил я дежурную связистку, – два трупача везу, как ты приказывал. На базу. Для подтверждения выполнения! Портятся, бл... жара ж, Вадик!

– Да, что ты мне яй... Я тебя здесь жду! Постарайся быть раньше, – как-то даже прикрикнул старый друг.

– Отбой, бл... – почти обиделся я.

Очень как-то настораживает это самое «я тебя здесь жду». Значит, что-то уже новенькое придумали. Хоть бы в баньку дали сходить, что ли. Обернувшись к командиру БТРа, я коротко сказал:

– Берём лопатки, копаем и закапываем! Успеть до заката, сержант!

Давно я не видел столько радостных улыбок и счастливых глаз во время похорон. Добежав почти до своей машины, сержант обернулся, сложил ладони рупором и заорал:

– Одну или две, тыщ командир?

– Что две? – скрипнул я голосовыми связками, не поняв сержантскую шараду.

– Ям одну копать или две? – счастливым голосом интересовался сержант.

Я нервно сплюнул и махнул рукой. Что в принципе означало: не больше двух!

Афганский шарик

Внезапно головная машина резко остановилась, подняв облако плотной рыжей пыли, смешанное с сизым дымом выхлопных газов. Затормозили и остальные машины. Было слышно, как щёлкнули затворами несколько автоматов, поставив оружие на боевой взвод. Когда пыль осела, все увидели...

Прямо посередине дороги стоял, широко расставив лапы и чуть опустив голову, большой чёрный пёс. Он смотрел на них на всех. Исподлобья. Снизу вверх. Не мигая и не отрывая взгляда. На машины, на торчащие из люков головы чумазных механиков-водителей, на пацанов, медленно опускающих свои АКСу. Тощий, с всклокоченной на загривке шерстью, с израненными лапами и вываливающимся из пасти, распухшим от обезвоживания, сухим белёсым языком. Он стоял, смотрел на них, и только уши нервно вздрагивали. Водитель УАЗа подъехал совсем близко к собаке и нервно нажал на клаксон. Пёс не пошевелился, только уши чуть прижал и нервно дёрнулись брили, обнажив клыки. Было ясно – не уйдёт! С брони БТРа спрыгнул боец и быстрым шагом пошёл к собаке.

– Платонов, стоять! Ты куда без команды? – заорал прапорщик.

Но Лёха как будто не слышал. Где-то за два метра до собаки замедлил шаг, присел и протянул к морде пса открытую ладонь.

– Ну и кто ты такой, парнишка? Знакомиться будем? – спокойным голосом предложил псу Платон.

Пёс не нюхал, но шевельнул хвостом, прижал уши, сделал шаг на встречу, положил свою большую лохматую голову Платону в руку, закрыл глаза и, шумно вздохнув, жалобно заскулил. Тот второй рукой притянул собаку к себе и начал гладить, тискать друга человеческого, ощущая пальцами, насколько отощало животное. Нашупал на шее потрёпанный ошейник из брезентового ремня, а к ошейнику была прикреплена самодельная бляшка. «Шарик» – было выцарапано на ней. И в/ч 42462.

– Парни, это наша собака! Это Шарик! Он русский! И военный! – срывающимся голосом заорал Платон, обернувшись к своим.

Подбежали ещё бойцы. Несколько пар рук тормозило, гладило Шарика, а тот стоял, уткнувшись Платону в живот, и тихо поскуливал. «Родные вы мои! Братишки... Наконец-то я вас нашёл...» Наверное, так.

– Бойцы, по машинам! Привал только через три с половиной часа, – объявил подошедший взводный.

– Товарищ лейтенант! Разрешите взять Шарика! Он наш, потерялся, наверное. Смотрите, какой он, пропадёт ведь. Пожалуйста, – дрожащим мальчишеским голосом просил Лёха, – с ним проблем не будет, я обещаю.

– Ну, что ты, Платонов! Я и сам хотел вам предложить Шарика с собой взять. Как в польском кино, помните? Только вот накормить и напоить его надо. Немецкая овчарка, похоже. У моего отца такая была. По машинам! – крикнул взводный, ещё до конца не понимая, как высоко взлетел его жиденский авторитет среди этих мальчишек со взрослыми автоматами.

Платон затолкал Шарика внутрь БТРа (бронетранспортёра). Пса уложили на матрац, открыли пару банок с мясной кашей, накрыли туда кусков лепёшки и подали... Платон обратил внимание, что пока открывали консервы и салон наполнялся ароматами специй и говяжьего жира, пёс безучастно лежал, положив голову на лапы. Странно. Оживился и начал жадно есть пищу только после того, как Сашка Дягилев силком сунул кусок каши ему в пасть. Съел всё и просил ещё. Но было нельзя давать много с голодухи. Зато много дали воды. Пил жадно и долго. Да так много, что через полчаса запросился... Пришлось остановиться и три минуты ждать, пока он встанет, наконец, на четыре лапы. И так повторялось ещё пару раз. Правая гусе-

ница бронемашин и четвёртое слева колесо БТРа не просыхали. Но никто не сердился, даже механики-водители. Мужики понимали!

На дневном привале, после перекуса, к Платону подошел прапорщик Мишин. Погладив нового бойца, он присел на тёплый камень и сказал, обращаясь к сидящим поблизости разведчикам:

– Я, кажется, знаю, что случилось с нашим товарищем Шариком. Шарик – собака-сапёр. Судя по изношенному ошейнику, в Афгане уже давно. Эти собаки натасканы на поиск неглубоко заложенных мин. Работают в паре с сапёром. После обнаружения мины, собачка подаёт сигнал, подходит сапёр, а собачку отсылает на безопасное расстояние, от греха. В нашем случае «грех» случился, произошёл подрыв. Что уж там приключилось с сапёром, остаётся только гадать, а вот Шарик, в результате контузии, потерял нюх. То есть превратился в нерабочую собаку. А такие не нужны. Таких списывают.

– Как не нужны? Куда списывают? Это, что получается? Военный пёс честно выполняет свой долг, спасает жизни своих солдат. Пашет за миску каши, жизнью рискует, а потом случается беда... Товарищ прапорщик, их просто убивают? Чтобы не кормить? – возмущённо скрипит зубами Сандро.

– Я знаю несколько случаев, когда раненых заслуженных собак ребята с собой домой забирали. Демобилизовались, так сказать, со своими напарниками. А этого бедолагу... Пёс-то молодой ещё. Года три, не больше. Нюх пропал, а слышит очень хорошо. Вон как ушами водит!

– Думаю, его хозяина уже нет, и кому-то просто приказали избавиться от собаки. А он, видно, «пожалел». Выбросил где-то по дороге из машины. Видишь, у него все лапы побиты, видно долго за машиной бежал, не понимая за что его так, – объяснил свою версию подошедший взводный. – Уроды, конечно. Да, Шарик?

Шарик каждый раз, когда слышал свою кличку, с благодарностью смотрел на его окликнувшего и часто-часто стучал хвостом по земле. «Да! Я Шарик, брат! Я русская немецкая овчарка!» Наверное, так.

На очередном сеансе связи взводу поставили конкретную задачу. По абсолютно свежим разведанным, полученным от местных агентов, несколько бандитских группировок готовят засады для обстрела продвигающейся техники бригады. В основном охота ведётся за топливозаправщиками, большегрузными УРАЛами, перевозящими личный состав и боеприпасы. Поэтому «нитки» (колонны и конвои) старались делать короче. Так было проще отбиваться и маневрировать.

Как правило, небольшие банды из 5-10 человек, вооружённые противотанковыми гранатомётами нашего или иностранного производства, с близкой или средней дистанции обстреливают конвой или воинскую колонну и, под прикрытием пулемётов, быстро уходят. Бороться с ними крайне сложно. Уроженцы этих мест очень хорошо знакомы с местностью и используют самые надёжные пути отхода.

Согласно плану операции, небольшая колонна разведчиков свернула на примыкающую к главной узкую, разбитую техникой и непогодой дорогу. Через пять километров, выехали к неширокой горной речке с быстрым течением. Было принято решение технику замаскировать и поставить повыше в негустой «зелёнке», чтобы, имея преимущество в огневой мощи, можно было подавить огневые точки духов и отрезать путь к отступлению. А огневые точки с бойцами расставить таким образом, чтобы духи, войдя в контролируемую взводом зону, попали под перекрёстный огонь. Этим и занимались весь вечер и половину ночи. Лейтенант Очкинази бегал, спотыкаясь и цепляясь портупей за колючки, от бойца к бойцу. Лично инструктировал каждого по поводу сектора стрельбы и генерального направления наступления. Прапорщик Мишин издали наблюдал за этой суетой и потихоньку отхлёбывал из фляжки, ни сколько не морщась. А нельзя было. По переданным разведанным моджахеды должны были

появиться только завтра во второй половине дня. В последний раз их видели входящими в горный кишлак. А это не близко.

Прапорщик подозвал Платона и отвёл его к реке. Шарик неотступно шёл за ними. Хозяина он себе, похоже, уже выбрал.

– Смотри сюда, Платон. Я не думаю, что кто-то из духов захочет в ледяную воду лезть, но для успокоения, как говорится, возьми матрас и вот под этим густым кустом у речки ложитесь. Для двоих тут места мало, а вам с корешем нормально будет. Увидишь кого на той стороне, не стрелять, сразу белую ракету и дымы запускай. Мы их пушкой в скалах пошинкуем. Всё понял? – обстоятельно объяснил ситуацию Мишин.

– Понял. Шарик, ко мне, – ответил Платон, подзывая нового напарника.

– Холодает. Хлебнёшь? – предложил Мишин, откручивая крышку фляги.

– Не по тем делам, – улыбнулся Платон.

– Это пока, сынок, это пока! – улыбнулся Мохер.

Расположились Платон с Шариком по-барски. Принесли из БТРа тёмно-коричневый матрас, уложили его в ямку, под густым кустом у самой реки. Конечно, обзор затрудняла густая поросль шиповника, но Платон надеялся на Шарика, который всё услышит. И, конечно, на мнение Мишина, что «в ледяную воду душмана не затащишь». Шарик, наевшись до отвала кусков и кусочков солдатского ужина, что тащили ему бойцы, положил морду на лапы и тихо посапывал, улыбаясь во сне. И не было ни одной солдатской физиономии, которую бы он не лизнул с благодарностью. Никого не пропустил. Вечером нашли в реке место поглубже, поставили туда Шарика и вымыли. Сандро и Бес держали пса, а Платон мыл. У кого-то из парней даже пол пузырька шампуня с собой было. Шарик поскуливал, дёргался и даже порывивал, когда Лёха случайно задевал его интимные места, но послушно стоял, ожидая окончания экзекуции. В результате получилась ничего себе приличная собака. Худая и измождённая, но со счастливой мордой и блестящей шерстью. А дождавшись, когда его, наконец, отпустят, Шарик, как бешенный, поскакал по зелёной траве, сшибая одуванчики. Валялся, перекатываясь с бока на бок, смешно дрыгая ногами и повизгивая от удовольствия. Трусился так, что от брызг, водяной пыли и яркого солнца вокруг этого огромного комка мокрой чёрной шерсти заиграла радуга.

От реки тянуло холодом и Лёха, понимая, что это глупо и дырки никого ещё не согрели, всё же натянул на себя и собаку маскировочную сетку. Где-то чуть ниже что-то шуршало и скоблилось. Платон отгонял от себя мысль о змеях и всяких ползучих гадах, убеждая себя, что это какой-то маленький грызун-скоблильщик. Длинный и нервный день давал о себе знать, глаза закрывались, хоть спички вставляй. Пробовал пошептаться с Шариком, но тот только недовольно встряхивал умной башкой, шурился и поднимал край верхней губы, обнажая клыки. Потом, как бы извиняясь, тыкался мокрым носом в щёку и старался лизнуть Лёнку в ухо. Тот шуточно отбивался, пряча лицо от мокрой слюнявой «лопаты». В конце-концов Лёха, незаметно для себя, прижался к тёплому, ещё мокрому, пахнущему шампунем «Крапива» боку Шарика, обнял его за холку и так же тихо засопел.

Проснулся Платон от того, что шершавая лапа Шарика лежала, нервно подрагивая, у него на лице и больно давила на нос. Лёха открыл глаза и хотел было возмутиться такой наглости, но увидев морду Шарика, неестественно повернутую вправо в стойке, не произнёс ни звука. Чуть правее их «лёжки», метрах в десяти, стоял душман с АК-74 за плечами и, держа в зубах край длинной рубахи, справлял нужду. А чуть дальше от него стояла группа духов из пяти человек и вполголоса что-то обсуждали, глядя в ту сторону, где находились позиции засады разведчиков. У троих в руках были РПГ-7 (ручной противотанковый гранатомёт), а у одного РПГ «Муха». Серьёзно! Платон сразу узнал пеналы гранатомётов. Один дух стоял чуть выше и смотрел в сторону замаскированной боевой машины пехоты, потом стал что-то говорить, показывая руками направление. Лёха понимал, если он сейчас передёрнет затвор, его услышат обязательно. Он, не глядя, похлопал по подсумкам, нашёл и вытащил две ручные гранаты.

Только так. И всех сразу. Шарик глухо зарычал, оскалив клыки, нервная дрожь пробежалась по напряженным мышцам. Платон, увидев, как поднимается шерсть на холке и по всей собачьей спине, прижался губами к горячему уху собаки и прошипел:

– Тсссс... собачка... тсссс...

Ссыкун закончил своё мероприятие, выплюнул край рубахи, вытер руки о старый халат и смотрел куда-то за реку. Шарик опять зарычал. Наверное, ему очень хорошо были знакомы эти широченные грязные афганские шаровары с мотнёй между колен. Может быть, даже за время своей службы ему не раз приходилось рвать в клочья этот несуразный элемент мусульманской одежды. О чём военный пёс легендарной немецкой породы в это время думал? «Нам, русским, азиатов не понять!». Наверное, так.

Тем временем дух, не увидев для себя за рекой ничего интересного, пошел к основной группе. Дистанция была метров 23–25 – то, что надо для прицельного броска. Вот где пригодились навыки, полученные в водном поло. Бросал мяч Лёнька во время атаки одинаково хорошо и точно с обеих рук. Платон взял в правую и левую руки по гранате. Зажал спусковые скобы и вытащил чеки. Потом медленно, на коленях и локтях выполз из куста. Шарик послушно полз за ним, горячо дыша открытой пастью прямо в ухо Платону. Остановить его было невозможно, да и времени уже не было.

Быстро оценив дистанцию, Платон вскочил на ноги и, размахнувшись, бросил гранаты в группу духов, падая опять под куст. Только вот Шарик за ним под куст не упал. Военный пёс воспринял взмах руки в сторону духов, как сигнал к атаке и, стелясь над землёй, бросился на ближнего врага, выполняя команду своего хозяина. Два оглушительных взрыва заглушили пронзительный Лёнькин крик:

– Ш-а-р-и-и-и-к!!!

Ещё не коснулись земли срубленные металлом ветки, осколки камней и куски дёрна, а Платон уже бежал к месту взрыва. Пятеро духов лежали мёртвыми, нашпигованные осколками гранат. На спине «ссыкуна», оскалив зубы, с открытыми глазами лежал Шарик.

– Всё-таки ты его достал, братишка! – сказал спокойным голосом Платон, осторожно оттаскивая пса в тень скалы.

Он умирал. Лёнька положил большую лохматую голову себе на колени. Шарик лизнул ему руку, еле слышно «рыкнул» и глубоко вздохнул... «Я выполнил приказ, хозяин!». Наверное, так.

Чуть в стороне, пробовал ползти, загребая одной рукой, душман. Вторая его рука безжизненно волочилась, а из-под халата на землю, пульсируя, вытекала кровь. Оружия в руках у него не было. Платон вытащил из подсумка дымный факел с оранжевым дымом и поджог его. Хотя можно было этого и не делать, так как через 10–12 минут его уже окружил практически весь взвод. Подбежал прапорщик Мишин, схватил Платона за плечи и пару раз чувствительно тряхнул.

– Ты как? Жив, малец? – заглядывая в Лёхины глаза, спросил он.

– Там живой один, – сняв кепку и вытирая ей лицо, негромко произнёс Платон. – А вы говорили – вода холодная.

– Такое бывает, солдат. Видно, моржи попались. Сядь, в себя приди.

– Товарищ прапорщик, а где могилку для Шарика выкопать? – спросил Платон дрогнувшим голосом, садясь рядом с окровавленным псом, – я ещё ни разу...

– Посиди, Лёша, посиди. Я щас, я помогу, – сказал Мишин, идя навстречу взводному с растопыренными руками. – Сева, давай позже, пусть в себя придёт.

Шестого духа допросить так и не удалось, умер ещё до прихода переводчика.

– Как жить хотел. Метров двадцать полз с кишками наружу, – сказал Бес, показывая на кровавый след.

Шарика похоронили под каким-то колючим деревом, там земля была мягче. Ямку выкопали поглубже, а на могилку втроём принесли большой плоский осколок от валуна. Это чтоб шакалы не добрались. Санитар намотал на ветку вату и зелёнкой красиво написал на валуне:

**ВОЕННЫЙ ПЁС ШАРИК
ГЕРОИЧЕСКИ ПОГИБ 22.01.1983 года.**

Взводный, на сеансе связи со штабом, доложил, что бандгруппа моджахедов в количестве шести человек полностью уничтожена и что потерь нет. Лейтенанта Очкинази похвалили и передали новые указания. Вечером у костра на блокпосту, охраняющем участок основной дороги, Платон рассказал взводному и его замку (замкомвзвода) всё, как было на самом деле. А когда после вопросов парня отпустили к своим отдыхать, прапорщик Мишин сказал вполголоса, обращаясь к взводному:

– Надо бы Платона представить.

– Не понял, куда представить? – удивлённо спросил взводный.

– Ходатайство! К награде представить! Пацан в одиночку банду духов положил! Куда... Очнись, Сева, Платонов в одиночку выполнил задачу поставленную взводу, – чуть повысив голос, отчеканил Мишин.

– А не рано? Боец ещё и полугода не служит.

– Сева! Не борзей, лейтенант! Шесть духов! – хрустнул пальцами, сжимая кулак Мишин.

– Понял. Не возражаю, – опомнившись, кивнул лейтенант Очкинази.

По итогам полной ликвидации бандформирования на трассе Термез – Пули-Хумри никто из разведчиков к правительственным наградам представлен не был. Без объяснения причины. А может просто банально забыли.

«Будёновцы» в чалмах

Два раза «шумнула» рация. Это дозор давал команду: «Внимание, стоять!». Мгновенно передали по цепи, бойцы присели. Где-то в конце колонны звякнула станина АТС, тут же яростный шёпот Боцмана... Слушаем. Впереди от дороги послышался дробный стук, но из-за шума потока реки разобрать природу звука пока трудно. Хотя нам это, конечно на руку: от дороги, которая идёт вдоль русла, нас-то вообще не должно быть слышно. Из-за горного хребта уже виден ореол Луны, но сама подруга пока прячется. В БН (бинокль ночной) пока ни черта не видно, пробую настроить прибор ночного видения. Получается неожиданно быстро. Вижу красивую картинку. На фоне искрящихся струй бурлящей горной реки по светлому полотну каменной дороге неспешным шагом двигались три конника. Головами не крутили, шли спокойно, не боясь. Средний всадник даже, по-моему, спал, опустив голову на грудь. Значит, дорога – «пустая», то есть без мин и прочих сюрпризов. Я невольно улыбнулся. Что-то мне всё это напоминало из детства... Вспомнил! Кино! «Неуловимые мстители!» Помните музыку на фоне титров? Только там их четверо было, по-моему. И в «будёновках», а не в чалмах.

Подождали пока всадники прошли нашу группу прикрытия и двинулись дальше. Понятно было то, что духи были ночными дозорными из кишлака Кули – нашей цели. Вели себя спокойно, значит, нас не ждут и группа Зверя тоже не обнаружена, а это вселяло оптимизм и прибавляло 5 см к каждому шагу. Неожиданно быстро появилась Луна. Неполная, но и этого «отбитого» блюдца хватало рассмотреть без подсветки время на часах. Перед выходом на полотно дороги объявили короткий привал, подошли Платон с Боцманом.

– Командир, я думаю «будёновцы» поскакали к «зелёнке» и то, что они там увидят, явно им не понравится, – высказал своё мнение Боцман.

– Прав. Будут идти таким шагом, к месту подойдут часа через два с половиной, может больше. Минут пятнадцать, двадцать будут «нюхать» и домой...

– Причём галопом. В кишлак их пускать никак нельзя, – отозвался Платон.

– Считаю. Минимум часа через три с половиной, плюс-минус полчаса конница будет возвращаться этой дорогой. Нам необходимо через два часа выйти на место блокирования двух дорог. Час где-то на расстановку людей и маскировку. Уже будет почти светло. Платон, с тебя язык. Рванули, парни! – сказал я, бодренько так взваливая на ноющие плечи почти ещё одного себя.

По дороге идти было значительно легче. Слегка растянувшись, раскачиваясь в такт одинаково выверенным по ширине шагам, колонна двинулась, набирая маршевый темп. Прижимались к правой обочине, где была разной ширины, но всё-таки тень от «люстры» – Луны. Немного тормозили сапёры, шедшие впереди колонны. Конечно, успокаивал тот факт, что «будёновцы», как их окрестил Боцман, чуть ли не строем проскакали по дороге, а значит, мин не боялись. Но как говорится, бережёного... Шли молча, не сбавляя темп, на ходу менялись, перехватывая дополнительный груз. Те, кто освобождался, «облегченно» вздыхали, дрожащими от напряжения пальцами доставали фляги, экономно пили, поливали головы. А те, кто взваливал на плечи станины и стволы АГСов, ПКМы и ящики с их патронами и гранатами, беззвучно и неинтеллигентно матерились, с надеждой успокаивая себя мыслью, что всё это когда-нибудь закончится.

Ровно через один час пятьдесят минут основная группа вышла в точку предполагаемого блокпоста и засады. Небо на востоке начало светлеть. Собрали фляги и отправили троих к реке пополнить запас воды. Днём такой возможности не будет. Приятно удивило то, что географическое изображение на картах полностью совпадало с реальным ландшафтом. Иногда было по-другому. Помню, как во время крайней операции Боцман вертел карту, даже на обратную сторону заглядывал, тупо спрашивая:

– А где мы, командир?

Хотелось ответить понятным языком, но вокруг были «дети». А каково было вертолётчикам, которые не могли по карте определить точку высадки? Здесь не должно было быть реки, а она была. По карте до зоны боевых действий ещё лететь и лететь, а по вертушке уже палят из всего чего только можно представить, из откуда ни возмись взявшегося кишлака. Такое было! Видно и среди картографов есть свои «пятерьшники» и «двоешники». Нам повезло. Наш был, как минимум, «хорошистом»!

Минут десять поелозили пальцами по карте, расставляя дозоры, огневые точки и пряча людей на световой день. Вернулась разведка, посланная налегке вперёд. Наша цель – кишлак Кули – прилепился к горному массиву километрах в трех – трех с половиной, за вторым поворотом нашей дороги. Движения пока нет. Спят басурмане. На втором повороте, выше дороги, «закопали» в скальном обвале первый дозор, усилив его пулемётом Араратика Саркисяна.

Пока разведчики «вили» себе гнёзда, скребли ложками о дно банок с гречневой кашей, маскировались, натягивая сетки, Платон назначил группу захвата языка. Выбрали место – сразу за первым поворотом дороги, участок полностью закрытый с трёх сторон скальными выступами. С четвёртой – река. Я подошёл ближе, хотелось послушать инструктаж Платона. А говорил он, в основном обращаясь к Боцману.

– Лошадь – животное осторожное и пугливое. Поэтому каждое неожиданное внешнее воздействие вызывает у неё шоковую реакцию. Наша задача взять живым языка. Я сейчас расскажу и покажу, как нужно действовать, чтобы эти «ковбои» от нас не ушли, – как всегда растягивая слова, объяснял старшина.

– Лёх, а на хрена нам все три языка? Думаю, эти трое духов имеют одинаковую информацию о расположении охраны и самого штаба в кишлаке, – начал умничать Боцман. – Заберём кого попроще, а остальных к Аллаху...

– Боцман, давай так... Мне поручили, я выполняю. Слушайте дальше. Первого берём я и Боцман. Первый номер – Боцман, выбегает из засады, хватает обеими руками за узду на морде и всем телом виснет на ней.

– Слышь, Лёх! Так на чьей морде виснуть? Лошади или духа? – хохотнул кто-то из парней.

– Объясняю. От неожиданности и испуга лошадь обязательно постарается встать на дыбы, сбить с ног нападающего и изменить направление движения. Задача первого номера не дать ей этого сделать. Ну, а вторые номера рывком стаскивают духов на землю и фиксируют руки, – невозмутимо закончил старшина Платонов.

– Платон, а лошадь может укусить? Я теоретически спрашиваю, так, на всякий случай, – поинтересовался первый номер Боцман.

– А ты руки не суй куда попало, – под общий смех посоветовал я. – Мужики, обнаруживать себя категорически нельзя, поэтому не стрелять, на крайняк работаем ножами.

– И ещё, – продолжил Платон, – нападать по моей команде одновременно, чтобы духи не успели очухаться и что-то понять.

– Всё правильно, – одобрил план Платона я. – По ходу движения и с тыла поставим заградительные группы по три бойца, чтобы не прорвались, ну и снайпера будут готовы на всякий случай.

Истекало отведённое «будёновцам» время, а их всё не было видно. От реки тянуло даже не прохладой, а холодом. На марше пропитанные потом тельняшки остывали вместе с телами, неприятными холодными компрессами липли к спинам и не давали согреться. Бойцы кутались в свои нехитрые утеплители, натягивали на уши шерстяные, купленные или выменянные в кишлаках и на рынках вязанные шапки. Правда, у некоторых заметил умело уложенные под сиденья американские пуховые спальные мешки. Полезные трофеи. Вода, принесённая во флягах из горной реки, и через два часа ломила зубы. Приходилось, прежде чем глотать, долго

гонять её во рту. Язык немел, но было чертовски приятно. Были и гурманы. Они пробивали ножом в двух местах банку сгущёнки, запрокидывали голову и цедили её, закрыв от удовольствия глаза. А потом, маленькими глотками, запивали ледяной водичкой из горной реки. Кайф был необыкновенный. Что представляли себе в эти секунды эти взрослые мальчишки? «Пломбир» за 19 копеек? «Ленинградское» за 22-е? А что я... я тоже пробовал.

От группы прикрытия сообщили:

– По дороге в сторону кишлака быстрым шагом едут два всадника. Дистанция 700 метров.

– Уточни. Два или три всадника?

– Два, – с небольшой паузой сказал сержант. – Едут рядом, не друг за другом. Повторяю, едут рядом.

– Опаньки, а мы так не договаривались! – нервно произнёс Боцман, прячась за большой валун прямо у дороги.

– Парни, ищите мне третьего, – зло шепчу в микрофон.

Тут же было принято решение: Платон с Боцманом берут ближнего, остальные оттесняют второго всадника ближе к реке и берут его на берегу. Уже и мы слышим посторонний звук. Звук восьми подкованных копыт. Едут не быстро, видно долго скакали галопом до этого, а сейчас дают лошадям отдохнуть. До кишлака – рукой подать. А мы ещё ближе... Из-за первого поворота показались два верховых, ехали рядом неспешной рысью. В бинокль было видно, что у того, который ехал ближе к реке, АКМ был за плечами, а у ближнего – на груди. Видел это и Платон с разведчиками. Головами не крутили и не разговаривали, было заметно, что «будёновцы» подустали и опасности не чувствуют. Утренний туман ещё не совсем рассеялся, но и без оптики было видно, что перед нами не наследные опиумные эмиры и не алмазные падишахи. Обычные бородатые духи неопределённого возраста. У дальнего на голове традиционный афганский паколь – шерстяной берет, у ближнего – грязно-белая чалма. Оба в замызганных, пыльных, завёрнутых впереди халатах. Ну, басмачи и басмачи... Ничего после Великой Октябрьской не поменялось!

Сигнал к нападению был настолько необычен, а звук ни с чем не сравним и незнаком в этих местах, что челюсти от удивления отвисли не только у душманов, но и у афганских рысаков. Платон громко и пронзительно свистнул в спортивный судейский свисток. Многократно отразившись от отвесных скал и зеркала воды, звук острой трелью резанул по ушам. От ближайшего к дороге валуна стремительно отделился долговязый силуэт и, вытянув впереди себя длинные руки, помчался в сторону первой лошади. Боцман поймал лошадиную морду, когда она, скосив лиловые глаза в его сторону и испуганно заржав, уже поднимала передние ноги. Но 95 кило чистой массы туловища старшего прапорщика сделали своё дело. Сначала он поймал какие-то ремешки левой рукой, потом правой захватил коня за гриву между ушей и повис, поджав ноги. От неожиданной тяжести и охватившего его ужаса, конь захрипел, брызгая пеной, но встать на дыбы уже не смог.

– Конечная! Слазь, сука, приехали! – срывающимся голосом заорал Боцман, глядя с опаской на крупные зубищи коня и содрогаясь от капающей ему на лицо лошадиной пены.

Почти одновременно с ним, подпрыгнув и подтянувшись, схватив духа за халат, Платон оказался у всадника за спиной. Обхватив туловище наездника ногами, он левой рукой резко рванул ремень АКМа так, что у духа щёлкнули зубы. А правой, скользнув по прикладу, нажал на предохранитель, щёлкнул защёлкой и выдернул рожок с патронами. Потом, схватив за ремень автомата двумя руками, оттолкнулся ногами от крупа коня и, вытащив душмана из седла, рухнул с ним на землю. Упав, дух, с перекошенным от страха лицом, откатился в сторону, нацелил на Платона автомат и остервенело нажимал на курок. Не понимая, почему не слышит выстрелов и враг не падает, он суматошно передёргивал затвор и опять жал на курок, онемевшим от напряжения указательным пальцем.

– Баран! – коротко сказал Платон, вертя перед носом басмача спаренным автоматным рожком. Потом коротко размахнулся и ударил им духа сверху по чалме. Уронив голову на грудь и подкосив колени, тот с глухим стоном завалился на бок.

Со вторым душманом справиться оказалось гораздо сложнее. Двое разведчиков сразу поймали коня. Один за стремя, второй за уздечку, но конь резко дёрнулся, придавив нашего парня к крупу первого гнедого. Душман начал судорожно перетаскивать на грудь АКМ, висящий у него за спиной. Конь окончательно обезумел, когда увидел, что к нему бегут ещё люди, отбрасывающие длинные тени от света уходящей за горный хребет луны. Животное хрипя, начало пятиться назад, подминая под себя нашего бойца, висящего на стремени. А дух высвободил ногу и резко ударил второго разведчика в голову, тот упал и выпустил из рук уздечку. Конь, почувствовав шанс уйти из западни, неожиданно рванул в сторону, сбив ещё двух наших, и волоча разведчика, держащегося за стремя, начал спускаться к реке. Я успел заметить, как резко махнул рукой в сторону уходящего всадника, стоявший на одном колене, сбитый конём, боец. Потом увидел, как дёрнулся и, вскинув руки, начал вываливаться из седла дух. Он висел, зацепившись сапогом за стремя, бился головой о камни, а конь, спотыкаясь о тело, сгоряча забежал в бурный поток горной реки. Потом, правда, испугался подхватившего его течения, попытался повернуть к берегу, но было поздно. Ледяные струи оттащили коня на глубину, а там закрутило, и уже через минуту его голова с белым пятном на лбу исчезла за поворотом русла.

– Что делать с конём будем? – спросил Боцман, передавая поводья подоспевшим на помощь, ребятам.

– А что делать? Отвести за поворот и вожжами по заду, чтобы скакал без оглядки. Только распрягите, седло снимите и в реку, – отдал команду Платон. – Нет седла, значит, и всадника не было.

Начал, постанывая, шевелиться дух. Сел, держась за голову, и уставился на нас. Парни тут же поставили его на ноги, руки стянули сзади профессиональной удавкой, в рот кляп из его же чалмы, и пинками погнали в наш «штаб». «Штабом» мы назначили найденный неглубокий, но в полный рост грот в скале. От дороги его прикрывал огромный валун, а от глаз сверху – очень удачно уложенная на кусты маскировочная сеть. Выставили три дозора. Выше всех Боцман загнал товарища Саркисяна. Он был глубоко убеждён и, это не раз подтверждалось, что у кавказского человека – Араратика – глаз, как у орла, поэтому и «гнездо» у него должно быть выше других.

– Мишь не проскочит! – говорил Араратик, многозначительно поднимая вверх указательный палец.

– Платон, а кто второго духа снял? Пусть ко мне подойдёт, – попросил я старшину. Ситуация там была непростая, я уже был готов давать команду на выстрел снайперу.

– Есть у нас любитель ножечками покидаться. Прислать? – поинтересовался Платон.

Духа мы решили немного «помариновать». Впереди ещё целый день, пусть подумает «над своим поведением». А пока... пока пацаны капали пленнику на нервы. Кто с гнусной улыбкой точил у него перед носом нож, пробуя его остроту на халате бедолаги. Злой же демонстративно вытащил у гранаты чеку и сунул её за голенище сапога пленника. Дух покраснел лицом, а в «штабе» резко запахло «импортной» мочой. А парни, наконец, поняли, зачем ефрейтор таскал с собой учебный муляж РГД-5. Боцман же, вообще, берега потерял. Он сел напротив душмана с верёвкой в руках и начал демонстрировать ему своё умение вязать удавки, примеряя их на нём же. Дух потел, бешено вращал белками глаз и грыз кляп, пытаясь что-то сказать. Кляп не вынимали, давали возможность созреть, вспомнить и придумать как выжить.

– Товарищ майор, по вашему приказанию.. – негромко произнёс подошедший боец. Передо мной стоял мой недавний знакомый, ефрейтор Еремеев.

– Отлично отработал, военный! Ситуация действительно стрёмная была, – одобрительно хлопнув парня по плечу, похвалил я.

– Вы не сомневайтесь, товарищ командир, дух – труп. Нож по рукоять между лопаток вошёл... Вот только клинок жалко. Трофейный. Дамасская сталь, – с сожалением сказал Еремеев, снимая с ремня пустые ножны.

Я, не раздумывая, достал из кармана своего ранца нож в кожаных ножнах, с красивой наборной рукоятью и протянул его бойцу.

– Держи, он твой. Дамасская сталь на сто процентов. Проверен. Не знаю, какой был у тебя, но этот клинок достойный.

Ефрейтор улыбнулся, взял нож, вытащил из ножен клинок, приставил его к уху и пощёлкал по лезвию ногтем. Затем положил на вытянутый указательный палец и слегка качнул. Баланс проверил, чертёнок. Потом поднял палец вверх, как будто что-то вспомнив, полез во внутренний карман афганки, достал какой-то предмет и протянул его мне.

– Вот так будет правильно, командир, – улыбнулся Еремеев. – Могу идти?

– Давай, – кивнул я, разворачивая оказавшуюся в руке какую-то бумажку.

Это были два доллара США! Одной бумажкой. Юбилейная купюра. Ну, да! Холодное оружие просто так не дарят. Не простые ребята, эти разведчики...

Сколько духа не корми

Конечно, этой тропы не было ни на одной штабной карте. Да и откуда? Тропа была не приметна среди многочисленных обвалов и оползней. Она еле заметным серпантинном постепенно поднималась вверх по склону, не пересекая горную грядку и оставалась всё время на теневой стороне. Мехмет на короткой привязи шёл первый. За ним, намотав связывающую их верёвку на руку и поглядывая по сторонам, шёл Платон. Замыкал нашу универсальную группу я. Проводник наш шёл шустро, не филонил. А один раз даже предупредил Платона, что впереди небольшой провал и что нужно обойти или прыгать. Прыгнули. Так мы без особых проблем прошли около трёх часов. Привал решили устроить на вершине.

Незаметно вышли на русло ушедшего в грунт водопада. Такое бывает с небольшими вертикальными потоками воды. То ли произошла подвижка грунта и «краник» закрылся, а может исык подземный водяной резервуар. Переходили медленно и осторожно, так как камни и валуны сотни лет шлифовались мощными водными потоками и превратились в лакированные пасхальные яйца неправильной формы. Мехмет и Платон прошли вброд сухой водопад без проблем. А вот мой, выдавший вида, «Аидас» неожиданно подвёл. Правая нога скользнула по почти круглому камню и я почувствовал, что теряю равновесие и падаю. Инстинктивно успел правой рукой прижать к себе АКС, а левой зафиксировать гранаты на «лифчике».

Палал с небольшой высоты, но подо мной не было ни одного мало-мальски ровного пятка. В голове пронеслось: «Хорошо, острых углов нет, всё круглое». Сознание не потерял, но в ушах неприятно звенело. Болели рёбра справа и колено правой ноги. Штанина быстро пропитывалась кровью. Возле меня уже сопел от возбуждения Платон:

– Ты как, командир? Ты не волнуйся, у нас ишак есть, довезёт, – успокаивал меня старшина, подтаскивая ближе Мехмета, не заметив, что от волнения перешёл на «ты».

– Не скажу, что нормально, но двигаться смогу. Надеюсь, смогу, – ответил я, вспарывая ножом штанину, – давай перевяжемся.

Платон отвязал от себя «языка», завёл ему руки за спину, связал их, стянув удавкой, как Боцман научил, и рывком поставил на колени. Мехмет дёрнулся, глухо застонал и взмолился перед Платоном:

– Брат, совсем болна... руки совсем немой...

– Ишак тебе брат! – огрызнулся Платон, – ты не в сказку попал, дух. Заглохни!

Я достал маленькую аптечку, наощупь нашёл шприц – тубик промедола и, не раздумывая, всадил дозу в правое бедро. Жить стало веселей. Платон пожалел мои штаны и не стал превращать их в элегантные шорты. Аккуратно, насколько мог, надрезал штанину вокруг колена и, обработав рваную рану, забинтовал. По тому, как профессионально он это делал, было видно – парень не первый день на войне. Но время поджимало, нужно было двигаться вперёд. Я попытался встать. Получилось. А вот идти, а тем более прыгать с камня на камень, не очень.

– Слышь, борода, сколько ещё идти? Километров... часов? – спросил у Мехмета Платон, заноса над его головой флягу с водой.

– От сухой водопад... мало идти. От водопад совсем мало и кишлак внизу, – оживился Мехмет, открывая «воронку» для воды в своей всклокоченной чёрной бороде.

– Командир, предлагаю вам здесь остаться с этим бабаём, а я быстро сбегаю, посмотрю. Чего себя мучать и рисковать шею свернуть. Мне его к вам привязать или так оставить? А потом на этом ишаке быстро к нашим спустимся.

Платон был прав, я – не ходок. Достав из планшета кальку-схему кишлака, я отдал её старшине, сказав:

– Давай, Лёха. А мы пока с Мехметом за жизнь потолкуем. Ты, главное, время контролируй.

Уже через пять-семь минут Платон исчез из вида, выбравшись из каменного потока «сухого водопада». Промедол (антишоковый обезболивающий препарат наркотического действия) сделал своё дело: голова, нога и рёбра практически не болели, а только напоминали, что они ещё есть. Досадно, конечно, что так всё получилось. Понятно, что жаль было не сломанных рёбер, хотя вроде не чужие, жаль было, что не дошёл и сам не увидел. Разумеется, Платону я доверял и мнение его ценил, но командир – я. Мне принимать решение, от которого, прежде всего, зависят жизни моих пацанов и выполнение поставленной задачи. А о чём это говорит? А это, товарищ майор, говорит о том, что на обувке не экономят! И покупать нужно не «московский» «Адидас», а фирменный.

Яркое послеобеденное горное солнце мягко грело, промедол расслаблял мышцы и сознание. Метрах в трёх от меня на земле сидел, вытянув ноги и уронив свою лысую бородатую голову на грудь, Мехмет. Спит? Платон так и оставил связанными ему руки. Недалеко «цокнул» петушок кеклика – горной куропатки. Через несколько секунд пискнула самочка. «Ревнивый. Далеко не отпускает», – мелькнуло в мыслях. Медленно тянулось время. Веки тяжелели и не было сил этому противиться. Наркотик в крови мешал сосредоточиться. Казалось, солнце стоит на месте, воздух превратился в кисель, а звуки...

И тут... Резкая боль, преодолевая действие обезболивающего укола, пронзила мой левый бок. Инстинктивно руки «отработали от себя», мозг включился, глаза распахнулись. На меня навалился всей своей массой Мехмет. В моём левом боку торчала рукоятка ножа. «Нож не мой», – почему-то я подумал с облегчением. Его обе руки вцепились и тянули на себя мой АКС, а сам он, выпучив налитые кровью глаза, орал, брызгая слюной:

– Это я ишак? Бешеные русские собаки! Я университет в Ашхабаде закончил! Археологический...

– Так ты – интеллигент! Акцент где? Сука! – скрипнул зубами я, пытаюсь вырвать свой автомат.

Уперев здоровое колено ему в живот, и чуть отодвинув от себя его корпус, я ударом локтя в голову сбил его с себя. Дух оказался ловким и подготовленным, слетая с меня, он успел вытащить из меня свой нож и сделал молниеносный выпад. Я успел среагировать, но не очень удачно. Голова дёрнулась назад, боднув затылком круглый валун. Клинок, острым, как бритва лезвием, полоснул по моему лбу, чуть выше бровей. Моментально открылась рана во весь лоб. Ещё секунда и от, заливающей глаза крови, я ничего не увижу. Пока могу различить его силуэт, передёргиваю затвор АКС. Вдруг слышу, разрезающий воздух шипящий звук и, через красный фильтр, заливающей глаза крови, вижу, как Мехмет дёргает головой и падает мордой на камни. В горячке вытираю рукавом, залитые кровью, глаза. Платон. Подошёл ко мне, отвёл мои руки с автоматом в сторону и осторожно посадил, прислонив к валуну.

– Я сейчас командир, я сейчас, – горячо шептал он, – дело у меня одно осталось.

Он подошел к лежащему Мехмету и накиннул ему на шею удавку...

– Не попадёшь, тварь, в свой душманский рай... ступай к своим... в гиену огненную!

Спускались мы быстрее, чем поднимались. Во всяком случае, так мне казалось после второго укола промедола. Конечно, я немного висел на мокром от пота плече Платона, и он отобрал у меня АКС и запасные магазины. Шли без остановок и перекуров. Нет, мы не опаздывали. Просто у нас закончились бинты и тампоны. Кровушка хлестала из трёх моих дырок, а остановить её было нечем, и надо было успеть... Хоть пару литров в организме оставить!

– Командир, все подробно внизу расскажу, но, похоже, духов там сотни полторы. И это то, что я разглядел. Не суетятся, видно думают, что бояться им некого.

– Добро. Доползти бы. Слышь, Лёх, – начал рассуждать я, – а ведь наш Мехметка-то не простой был басмач. На русском шпарил, как на своём. Говорил, что не ишак, мол. И меня убивать не собирался.

– Как это? – удивился Платон.

– А так! Он мог мне свободно горло перерезать или в сердце, пока я в отключке был, а не стал. Сунул нож в бочину, в мышцы. Думал от шока я замешкаюсь, контроль потеряю... А я-то под промедолом! Лишней дыркой не испугаешь. Всё равно ни хрена не чувствую... Ну, почти ни хрена. В меня можно было ещё парочку... Слушай, а правильно идём?

– Правильно, командир. А нож у него откуда? – удивился Платон.

– А вот хрен его... Ты же видишь, не мой! Это нужно спросить у тех, кто его вязал, Платон. Хреново обыскивали. Он же хотел меня в плен взять. Меня! Лёха... Представляешь, сколько бы бабулек ему за целого майора спецназа отвалили?

– Уже не отвоят. Им сейчас Шайтан занимается, – мрачно попробовал пошутить Платон. – Сколько духа не корми...

– Слушай, Платон, ты же Мехмету камнем в голову зарядил? – почему-то решил выяснить я, остановившись из-за съехавшего с носка кроссовка. Из-под повязки на колене тонкой струйкой текла кровушка, пропитывая шерстяной носок. В кроссовке хлюпало, а через носки красными «первомайскими» пузырями выходил воздух.

– Ну да. Стрелять-то нельзя было, вот я и... – затягивая посылнее шнурок на моём «Адидасе», что-то такое бубнил старшина.

– Не понял. А ножом почему не..? Расстояние-то всего ничего. Я же видел, как ты нож в мишень бросал, – не унимался я с расспросами. Я отчётливо понимал, что этот взрослый мальчик спас мне жизнь. И мне просто хотелось прояснить – почему, чёрт возьми, именно таким способом?

– А если бы ножом промахнулся? Потом ищи его. Где его найдёшь в этих каменюках? – пытался объяснить Платон, отворачивая хитрющие глаза в сторону.

– А если бы камнем промахнулся? – заорал я, окончательно охренев от простоты ответа.

– Другой бы взял...

Оказывается, это он шутил так! Вот уroda мама родила! Другой бы он взял... А этот интеллигент бородатый ждал бы его... Археолог, бл... Короче, мы смеялись, подкалывая друг друга, пока не спустились. Я чего-то совсем ослабел... Где наш Яша – санитар?

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ НА ВОЙНЕ – ПОЛИТЗАНИЯ

После крайней боевой операции дали нам немного отдохнуть. Ну да! Правильно! Спим до обеда, а некоторые, с железными нервами, и обед просыпают. Правда, потом в ужин требуют возврат обеда, включая компот. О ежедневных кроссах с полной выкладкой напроць все как-то забыли. Вспомнишь иногда мозоли во всю ступню, затёртые до мяса плечи от неподъёмного ранца и руки, как у орангутанга, оттянутые «калашом» с двумя рожками... Вспомнишь, перевернёшься на другой бок и спишь дальше. А вечером на дискотеку. А как же! Приоденешься, стрелки на брюках и шнурках отгладишь и пошёл гоголем в гущу. А гуща вся такая изысканная, французскими духами благоухающая, с огромными глазами, длинными ногами и титимити у всех не меньше пятого размера! И под Битлов... е-е-е хали-гали!

Тьфу ты! Вот это понесло товарища майора! Извините, конечно, за лапшу... Это кто, когда, кому и за какие такие заслуги давал в Армии отдохнуть? На то она и Армия, чтобы быть всегда на чеку и не давать никому расслабиться. Враги ж кругом не дремлют! Ну да! Только один глаз прикрыл и берцы в уголок по стойке «вольно» поставил, так тут же вражины стараются к тебе в тыл зайти. Поинтересоваться, что там у тебя такое в этом самом тылу? Смотрит Армия – расслабился боец, значит нужно срочно... Что? Правильно! Напрячь командира ослабленного бойца. Поэтому грамотный командир пребывает постоянно в напряжённом состоянии.

Звонит тебе оперативный по бригаде и закладывает по-дружески, а может и от скуки, протяжно зевая в трубку и позвякивая вилкой в кружке эмалированной:

– Васильич, к тебе проверяющий из политотдела потопал! Жутко озабоченный товарищ с папкой подмышкой.

– Понял, – зеваю в ответ, – с меня, Витёк...

И побежали дежурный по команде с дневальным, грохоча каблучищами по свежевывытому крашеному полу, выгонять из всех щелей моих тараканов заспанных. Всех на табуретки рассадили, кулачки под щёку, чтоб голова не падала. Тетрадки или листочки, хотя бы на коленки. Ручек нет? Мерзавцы! Карандаши пополам и всем между пальцами засунуть. Не поточены? А зачем? Матом аккуратненько глазоньки открыли и любознательные выражения на физиономиях изобразили. Графин с водой на стол докладчика немедленно. Теперь прапорщика... Любого. Причесать, а лучше лысого, чтоб аж зайчики по стенам казармы! На все пуговики застегнуть и за стол. Газету ему в руки. Любую. С буквами. Желательно «Правду», хоть мятопрошлогоднюю. Как нету? В галюн сгонять за газетой! Учить вас тут... Читать медленно, без пауз, нудно, чтоб через десять минут жить не хотелось даже проверяющему. Ну, а там уже, как пойдёт... Водички холодненькой? Чаю? Может, прервёмся на пять сек?

Сидим. Минут через пять в коридоре дневальный бух-бух каблуками по свежевывытому и:

– Тыщ майор, бу-бу-бу, жу-жу-жу, тра-та-та, мя-мя-мя!

Тут же ору дремлющему прапорщику с графином:

– Читай, гад!

Прапорщик, кашлянув в сторону, голосом Левитана:

– Несмотря на сильные морозы и снегопады, вся посевная техника...

Ору шёпотом, краснея лицом:

– Мудак! Какие, бл... морозы? Август на дворе! Другое читай!

Как самый опытный сексот, взвизгивает верхней петлёй дверь и:

– Смирна-а-а! Товарищ майор, подразделение «такое-растакое», проводит политзанятие.

Отсутствующих без уважительных причин нет. Прапорщик (ну допустим) Мушулов.

– Какое политзанятие? Сегодня ж среда, – удивляется, пятясь назад к двери проверяющий, и начинает искать глазами меня.

– Дык дополнительное, товарищ майор, – не сдаётся прапор, прикрывая тощим телом своего заспанного командира, – по тезисам последнего Пленума ЦК. Это который недавно был, товарищ майор.

И это уже не нас застигли! Это его в распах застали! Это политотделец начинает хлопать глазами, судорожно пытаюсь вспомнить этот чёртов недавний Пленум. О! Силится что-то сказать, а не может. Платочек достал. Как он сейчас свои мозги совковой лопатой перекапывает! А зацепиться-то и не за что!

– Ну, если по последнему, – чешет вспотевшую лысину ошарашенный товарищ из политотдела, – як вам, товарищ майор, – это уже ко мне обращается взъерошенный и непрошенный проверяющий, увидев мой майорский пагон, торчащий из-за спины прапора.

– Ко мне? – искренне удивляюсь я, выглядывая из-за прапорщика, – прапорщик Мушулов, заострите особое внимание на третьем тезисе, пока я буду занят!

– Есть заострить на третьем, – орёт прапор и пьёт прямо из графина.

И пока прапорщик нервно чешется и соображает, шелестя старой газетой, как ему лучше заострить, я встаю с табуретки, жму руку майору и широким жестом приглашаю его выйти и через полтора метра зайти. В мой кабинет-спальне-штаб. Заходим, сам сажусь на единственный в расположении стул со спинкой, а отглаженного майора усаживаю на табурет. Это чтобы не чувствовал себя как дома, ёрзая задницей на отполированной шляпке торчащего гвоздя. «Угостить тебя мне нечем, так что начинай», – пытаюсь передать свежую мысль под козырёк фуражки проверяющему.

– Александр Васильевич, – почти неофициально и по-дружески начал майор из политотдела, – у вас служит старший прапорщик Боцаев Григорий Юрьевич.

– Есть такой. Что натворил этот гад? – напрягаюсь я, пытаюсь понять, что от меня хотят и как, а главное, за что покарать этого самого старшего прапорщика?

– Да, всё в порядке, собственно. Я смотрел личное дело старшего прапорщика, оказалось он является ветераном боевых действий и, к тому же, удостоен высоких правительственных наград. Можно сказать – гордость нашей бригады.

– Так точно. Боцаев – орденоседец, орден Красной Звезды у прапорщика и «За Отвагу», а в чём собственно дело, майор? – спросил я, не понимая, к чему он клонит. Вешать мне этого «залётчика» или уже начинать им гордиться?

– Товарищ майор, ваше подразделение выполняет очень важные и ответственные задания, требующие не только высокой боевой выучки личного состава, но и идеологической подготовки. У вас всего два коммуниста на всё подразделение, а ведь есть очень достойные товарищи, – пролил свет на тему разговора проверяющий из политотдела.

– Ах, вот... Ну, почему же? А что? Комсомольцы не считаются? Кстати, мне товарищ Боцаев лично сказал, что вот, мол, ещё один подвиг совершит и точно в коммунисты запросится, – брякнул я, честно глядя в глаза комиссару.

– Товарищ майор! – вдруг улыбнулся мой собеседник, – ну, ты же понимаешь... Давай на «ты»? Виталий, просто Виталий.

– Да, понял я, понял. Извини за шутку. Ну, а меня можешь звать – Васильич, просто Васильич. Я с ним переговорю, Виталик. Думаю, после крайнего задания он заявление подаст, и ещё людей подтянем. Рекомендации мы со Зверевым дадим, не сомневайся, – решил заканчивать я разговор, поняв, что тревога была учебной.

– Вот и здорово! Рад поддержке. Ну вот! А мне говорили, к Хмелеву не суйся, тяжёлый мол, послать может запросто. Будем дружить! Возникнут проблемы, поддержку обеспечу, обращайся... Саша, – сказал комиссар, протягивая свою белую ладошку для партийного рукопожатия.

«Вроде ничего мужик – этот майор политотдельский. Трудная у него служба. Ходит, план по коммунистам выполняет. А Боцаев... Боцман-то есть, ни в какую партию вступить не будет. Это точно. Как узнает, что не партия, а он ей должен будет взносы платить... Так что партии лучше не рисковать! Ой, надо было всё-таки хоть чайку... или «Пепси». Одна банка в сейфе завалилась из последних трофеев. Потерпи, майор. В следующий раз. Обязательно угощу. Слово однопартийца! Нам для коммунистов «Пепси-колы» не жалко! Ишь ты... Вита-лик... нагадил в сандалик!»

Платон мне друг!

«Троечка» неумолимо падала. Левый двигатель заглох и чадил, оставляя чёрно-серый шлейф, который размалывали сумашедше вибрирующие лопасти рулевого винта. А правый тужился, то набирая обороты, а то делал провальные паузы, плевался чёрным маслом, захлёбываясь от непомерной нагрузки. Пилот тянул машину до последней возможности. Падали скорость, высота, но когда стрелка давления масла в гидравлике упала за «0», а в кабине появился едкий сизый дым горячей электропроводки, штурман рванул ручку двери кабины и бешено заорал в грузовой отсек:

– Падаем! Держитесь, пацаны!

Удар о землю был очень сильный и неожиданный. Никто из сидящих в отсеке разведчиков и не ожидал, что земля так близко. Поэтому «раскорячиться» как следует успели немногие. Все дружно подпрыгнули к потолку, разбивая головы, ломая руки, шеи и рёбра об обшивку вертолёт, автоматы, железо АТС (автоматический гранатомёт со станиной), а потом также тяжело грохнулись вниз, доламывая не сломанное. Грохот, скрежет рвущегося металла обшивки, крики, стоны изуродованных парней. Направляющие и амортизаторы шасси подломились, как пересушенные спагетти. А передние спаренные колёса от удара о землю оторвались и улетели со звоном, подпрыгнув от земли, аж за сто метров от места падения вертушки. Где-то наверху что-то громко хрустнуло и протяжно заскрипело. Лопасти продолжали вращаться и делить воздух ровно на пять частей. Деформированный корпус мелко вибрировал от последней агонии правого двигателя.

Первым очнулся Сандро. Он медленно поднял к голове руки, ощупал лицо, липкую шею. Что-то тяжёлое навалилось ему на ноги, он попробовал согнуть колени. Не получилось. И он протянул вниз руки, силясь понять, что с ногами. Неожиданно нащупал чьё-то лицо и инстинктивно зажал ему нос.

– Отпусти, Сань, это я, – прогундосил наводчик гранатомёта Виталик.

– А ты откуда узнал, что это я? – с трудом шевеля сухим языком, спросил Сандро.

– А когда штурман заорал, я, со страху, за тебя схватился, а тут хе... рак! – ответил Виталик, с трудом перекаtywаясь с ног Дягилева.

– Мужики, есть кто живой? – чуть слышно спросил Сандро.

Громыхнула дверь в кабину, показалось окровавленное лицо командира экипажа. В серой дымке не было видно его левого глаза, который закрывала свисающая кожа со лба вместе с бровью. А правый глаз, залитый кровью, он усердно протирал рукавом лётной куртки, чтоб хоть что-то видеть. Из-под лётного шлема на его лицо несколькими струйками стегала кровь.

– Давайте все наружу. Проводка горит. У нас горючки пол бака, не дай Боже. Если рванёт, хоронить будет нечего, – как-то спокойно сказал пилот, пятясь из кабины назад, волоча под руки безжизненное тело штурмана.

Тёмная живая масса внутри грузового отсека зашевелилась, зашарила перебитыми пальцами по обшивке вертолёт в поисках двери наружу. Свет через замасленные и бликующие иллюминаторы в отсек практически не пробивался. Кто-то нашёл и включил фонарик. Что-то щёлкнуло, громыхнуло. Кто-то с криком долбанул по обшивке пару раз ногой, и дверь вывалилась, повиснув на одной петле. В отсек ворвался свежий воздух, тут же смешавшись с запахом вертолётного топлива, гидравлики и горячей проводки. Сразу стало светлее. Первым в дверь вывалился Виталик. Руки и ноги его ходили ходуном, голова дёргалась. Парня периодически потряхивало, видно контузило здорово. Оказалось, что из лежащего на брюхе вертолёт можно даже выползть.

– Сань, я на земле. Ты как, брат? Подавай мне ребят, а я их оттаскивать буду, потом оружие, – предложил Дягилеву Виталик.

Так и попытались сделать. Первых вытащили пилота с мёртвым штурманом. Пилот был небольшого роста, щупловатый такой, но от помощи отказывался, прижимая к себе всё перебитое, мёртвое тело штурмана.

– Я сам! Серёга – мой штурман, мы с ним два года вместе, – срывающимся голосом говорил он, шумно шмыгая носом и всхлипывая. Оттащив штурмана метров на пятьдесят от машины, сел, достал две сигареты и прикурил обе. Потом положил Серёгину голову себе на колени, снял с неё шлем, пригладил выющиеся волосы и, вставив в его мёртвые губы сигарету «ТУ-154», тихо сказал:

– Покури, братан, напоследок...

– Сами выползли ещё двое, остальных выносили. Мёртвых было трое. Штурман, второй номер АГС, ему станиной гранатомета череп раскроило и снайпер Лёха, этому позвоночник раскрошило. Спал, так ничего и не понял. Из тяжёлых был Аркадий – классный парень, которому до дембеля всего-то ничего оставалось. Его шевелить вообще нельзя было. Перелом позвоночника. Но шевелили. Вкололи промедол и шевелили. Перевязывали себя сами, как могли. Ходячих было четверо. Относительно ходячих. Можно считать техника вертолётчика с переломом ключицы, с дыркой в башке – ходячим? Или Виталика, который сигаретой так и не попал себе в рот? Приходилось ловить его голову, чтобы дать затянуться. Пока действовал укол промедола, жить можно было. Поэтому решили действовать, а уколы экономить. Девять человек «сползлись» на совет. Первым взял слово командир экипажа вертолётчика:

– Мнение такое. Помощь к нам уже идёт. И на броне и по воздуху, я полагаю. Координаты передать Серёга мой успел, да и маяк работает. Михалыч этот район хорошо знает и выйдет на нас быстро. Предлагаю оставаться здесь. Займём круговую оборону и продержимся, пока наши не подойдут.

– Парни, если будете уходить, гранату оставьте, – неожиданно попросил обездвиженный здоровяк Аркаша.

– Аркан, не борзей! – нахмурился Дягилев, – итак, что имеем в сухом остатке? Станину АГС (гранатомёт) погнуло к хренам. Без инструментов не восстановить. Патронов к калашам – три полных магазина и пять по половине. У меня в пулемёте где-то патронов сорок в ленте. Гранат – одна. Это, Аркаша, по поводу лишних гранат. Зато РПГ (ручной противотанковый гранатомёт) есть и три выстрела к нему с пороховыми зарядами. Это всё, что я вытащил из вертушки.

Неожиданно со стороны вертолётчика послышался сначала какой-то скрежет, потом громкий хруст и все увидели, как вибрируя, как живая, от редуктора вертолётчика отламывается и падает лопасть. Вся! Целиком! Все невольно повернули головы в сторону лётчика.

– Чего так смотрите-то? Так и так не долетели бы. Это судьба, парни. *Я тоже*, между прочим, это в первый раз в жизни вижу, – хмуро произнёс вертолётчик, осторожно промывая глаз из фляги.

– Сань, посмотри! Или я один это вижу? – крикнул техник, показывая в сторону дороги. – Это наши?

Километрах в пяти, между гор, было видно низко стелющееся облако пыли. Оно заметно приближалось, хотя звука слышно не было.

– Нет, Петруха, даже я вижу! Наши должны объявиться с другой стороны, – подтягивая поближе автомат, отозвался лётчик.

О том, что духи где-то рядом, никто не говорил. Это и так было понятно. В какую сторону летит подбитая «корова», душманам отследить труда не составляло. Это они были дома. Это им каждый камень, каждая травинка шептала – где враг. А расплющенные падением с высоты пятиэтажного дома русские мальчишки в душе верили, что наши придут, прилетят, прибегут первыми. Конечно, первыми! Так должно быть! А как иначе? Русские своих не бросают!

Перевалили на спальный мешок Аркашу и волоком, рывками перетащили его за вертолёт. Всё-таки, какое-никакое укрытие. Потом с Виталиком вдвоем, корчась от боли и злости, перетащили раненых на фланги, дали им автоматы и показали сектора обстрелов. Как-то маскироваться, выкопать себе хоть какие-то ямки для укрытия не было ни сил, ни времени, ни возможностей. Раненые стонали, харкали кровью и на ощупь считали патроны. Больше всех мороки было с техником. У него была перебита правая ключица, правая рука висела и пальцы даже пистолет не держали. А левой рукой ничего делать не получалось. Привязали правую руку к туловищу, дали ему ТТ штурмана, две запасных обоймы и показали, как одной рукой поменять обойму в пистолете. Потренировались. Вроде понял. Пилот, в звании капитана, во всём подчинился рядовым разведчикам. Попросил их разрешить ему остаться недалеко от сбитой машины.

– Я ж материально ответственное лицо, сами понимаете, – неожиданно улыбнулся пилот, – меня Мыколой зовут. Если, что... машину им оставлять никак нельзя, ребята.

Виталик забрал гранатомёт со всеми выстрелами и остался в центре, а Сандро занял позицию на левом фланге, ближе к дороге. Уже через пять минут в серой дымке рассвета и пыли, можно было различить три пикапа, мчащихся по грунтовке в их сторону. А ещё через три минуты Вадик посчитал по головам басмачей и крикнул в сторону Дягилева:

– Саня, в каждой машине в кузове по четыре человека и по два в кабине. У первого пикапа пулемёт на крыше, я его накрою! Фигня, справимся!

– Понял! Ты не спеши, Виталя, пусть на выстрел подъедут, – крикнул в ответ Дягилев и, наблюдая, как у того трясутся руки, добавил, – и лучше по стоячему бей!

Но то ли постоянный тремор в руках, то ли истощённая ожиданием неотвратимого нервная система дала сбой. Виталика в очередной раз потрянуло, палец судорожно стиснул спусковой механизм, и реактивная граната пошла к цели... Цель она так и не нашла, столкнувшись с небольшим скальным выступом у дороги. Подрыв произошёл метров за двести до первой машины. Пикапы остановились, из кузовов в поднятую пыль повыпрыгивали духи. Они что-то возбуждённо обсуждали, тыкая «калашами» в сторону зелёнки. С крыши первого пикапа в сторону вертолёта ударил двумя короткими очередями пулемёт. Потом на крышу машины залез один из моджахедов, с мощным биноклем в руках, и начал медленно всматриваться в жидкую поросль зелёнки. Ярко белые бинты с красными пятнами были хорошо видны даже на большом расстоянии. Бабай с биноклем, по всей вероятности, был старшим, он что-то крикнул, и духи быстро разбежались по машинам. Две из них начали огибать позиции разведчиков по флангам, а та, которая с пулемётом, медленно двигалась в центре. Духи не спешили, они знали о своём превосходстве. К тому же у них явно была цель.

До первой машины оставалось метров пятьсот, когда Сандро ударил по ней тремя короткими очередями. Вторая, двумя последними пулями, щёлкнула по радиатору, пробив его, и разбив вентилятор охлаждения. Из-под капота повалил пар, машина остановилась. Душманы из кузова вытащили какой-то ящик и забежали с ним за кузов пикапа. «Лёхи жалко нет, он бы сейчас их, как куропаток...», – вспомнил о погибшем снайпере Дягелев. И СВД (снайперская винтовка) его жаль. Оптику «с мясом» вырвало и покурочило во время падения вертушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.